

Старыгина Н.Н.
Поволжский государственный технологический университет
г. Йошкар-Ола, Россия

Ф.И. ТЮТЧЕВ И Н.Н. СТРАХОВ
(К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОМ КОНТЕКСТЕ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ)

Аннотация. В статье обосновывается мысль о преемственности духовной (христианской) традиции в русской культуре, что позволяет выявить общие закономерности формирования и проявления философско-религиозного «контекста эпохи» в творчестве Ф.И. Тютчева и Н.Н. Стрхова. Сравнительно-типологический анализ статьи «Россия и Революция» и стихотворения «Наш век» Ф.И. Тютчева, публицистики 1860-1870-х годов Н.Н. Стрхова выявил философские, религиозные, идеологические совпадения и созвучия между ними, что в значительной степени объясняется важной для каждого из них идеей «борьбы с Западом». Также показаны некоторые общие для поэта и философа-публициста приемы поэтики и структурирования текстов.

Ключевые слова: христианский контекст, духовная традиция, нигилизм, традиционализм, идеал, вера, безверие, свой, чужой.

Starygina Natalya N.
Volga State Technological University
Yoshkar-Ola, Russian Federation

F. I. TYUTCHEV AND N.N. STRAKHOV
(THE QUESTION OF THE PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS
CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE AND THE CONTINUITY
OF CHRISTIAN SPIRITUAL TRADITION)

Abstract. The article explains the idea of the continuity of spiritual (Christian) tradition in Russian cultures, which allows to reveal General regularities of the formation and manifestation of philosophical and religious "context of the era" in the work of F. I. Tyutchev and N.N. Strakhov. Comparative-typological analysis of the article "Russia and the Revolution" and the poem "Our century" by Tyutchev, journalism 1860-1870 years N. Strakhova revealed philosophical, religious, ideological similarities and consonances between them, which is largely due to the important for each of them the idea of "struggle with the West." Also shown are some common for the poet and philosopher-publicist techniques of poetics and text structuring.

Key words: christian context, spiritual tradition, nihilism, traditionalism, ideal, faith, disbelief, own, alien.

«Главная заслуга Стрхова в плане развития русской общественной мысли заключается именно в его яростной борьбе против идей «просвещения», которую он, называл «борьбой с Западом». Это роднит

его с Ф.М. Достоевским, Ф.И. Тютчевым, Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым, В.В. Розановым. В общей перспективе развития русской общественной мысли он является своего рода передаточным звеном между позднейшими славянофилами и деятелями русского религиозного ренессанса» [1]. В высказывании С. Лабанова внимание привлекает объединение имен Н.Н. Стрхова (1828-1896) и Ф.И. Тютчева (1803-1873). Действительно, два великих деятеля русской культуры ярко представляют отечественную духовную культуру, их творчество развивалось в христианском контексте русской светской культуры XIX века и формировало его. Они совпадали во многом, осмысливая русскую историю, ментальность русского человека, веру и т.д.

Очевидно, что «взаимоотношения» христианства и светской культуры складывались по-разному, выявлялись неравномерно и специфически в разные периоды истории России. Одним из координирующих этот процесс факторов, его движущей силой и необходимым условием являлось соотношение «своего» и «чужого», национального и инонационального, традиционного и нового (см. [3]). Для Тютчева и Стрхова «борьба с Западом» (см. выше приведенную цитату) становится актуальной в разные исторические периоды. Великий поэт-мыслитель, наблюдавший французскую революцию, пишет статью «Россия и Революция» (1848). Великий философ, публицист и литературный критик в 1860-1870-е годы вступает в полемику с русскими нигилистами, пишет ряд статей («Нечто о петербургской литературе» (1861), «Еще о петербургской литературе» (1861), «Пример апатии» (1862), «Нечто об авторитетах» (1862), «Добролюбов. По поводу первого тома его сочинений» (1862), «Отцы и дети» (1862), «Слово и дело» Комедия в 5-ти действиях Ф. Н. Устрялова» (1863), «Люди, как животные, и животные, как люди» (1864), «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» (1865), «Бедность нашей литературы» (1867), «Дым» (1867), «Герцен» (1870), «Милль. Женский вопрос» (1870), «Последние произведения Тургенева» (1871), «Штраус» (1873), «Ход нашей литературы, начиная от Ломоносова» (1873), «Дарвин» (1873) и др.), выступая против привнесенных извне в русскую культуру идей, остро реагируя на агрессивное воздействие «чужой» культурной традиции.

Основная идея, которую обосновывает в своей статье Ф.И. Тютчев, заключается в утверждении того, что "Революция - прежде всего враг христианства! Антихристианское настроение есть душа Революции; это ее особенный, отличительный характер" [12, 273]. Н.Н. Стрхов, изучая русский нигилизм, указал на преобладающее в нем революционное – разрушительное – начало, основанное на отрицании Бога. Нигилизм, писал он, есть «неверие, сомнение, скептицизм ... отсутствие живых верований, прочных основ для мысли» [5, X]. Это «отрицание всяких сложившихся форм жизни» [6, 51], это «порыв мысли освободиться от старых понятий ... последовательное искание нового пути для жизни и деятельности ума» [5, X].

Позже, в «Письмах о нигилизме» (1881) Страхов дал развернутое характеристику нигилизма как мировоззрения, несовместимого с христианской верой: «Нигилизм есть движение, которое в сущности ничем не удовлетворяется, кроме полного разрушения. Нигилизм это не простой грех, не простое злодейство; это и не политическое преступление, не так называемое революционное пламя. Поднимитесь ... еще на одну ступень выше, на самую крайнюю ступень противлений законам души и совести; нигилизм, это – грех трансцендентальный, это – грех нечеловеческой гордости, обуявшей в наши дни умы людей, это – чудовищное извращение души, при котором злодеяние является добродетелью, кровопролитие – благодеянием, разрушение – лучшим залогом жизни. Человек вообразил, что он полный владыка своей судьбы, что ему нужно поправить всемирную историю, что следует преобразовать душу человеческую. Безумие ... под видом доблести дает простор всем страстям человека, позволяет ему быть зверем и считать себя святым» [8, 74-75].

Для обоих мыслителей, подчеркнем, характерен этический подход к осмыслению явления. Н.Н. Страхов, как мы могли убедиться, рассматривает нигилизм как «грех человеческой гордости», в чем совпадает с Ф.И. Тютчевым, ранее писавшим: "Человеческое я, желая зависеть лишь от самого себя, не признавая и не принимая другого закона, кроме собственного изволения, словом, человеческое я, заменяя собою Бога, конечно не составляет еще чего-либо нового среди людей; но таковым сделалось самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное право и стремящееся, в силу этого права, овладеть. Вот это-то новое явление и получило в 1789 году название Французской революции" [12, 273]. Тютчев в революции, а Страхов в нигилизме видели антихристианское торжество человеческого "я", человеческой гордыню.

Безверие современного человека Тютчев воспринимает как инациональную идею и как болезнь духа, поскольку для него "Россия прежде всего христианская империя; Русский народ - христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения. Он христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы" [12, 273].

По мнению Страхова, нигилизм основан на безбожии, что и приводит к отрицанию абсолютных ценностей, приоритета духовного начала в человеке, рождает скептицизм и пессимизм мировосприятия, социальный нигилизм: «Символ веры отрицателей ... очень прост ... Бога нет, а царя не надо» (Цит. по кн.: [2, 11]).

Русский национальный характер в характеристике Страхова противоречив (что, кстати, позволило философу обосновать мысль о том, что распространению нигилистических идей в России способствовали специфические особенности русского характера): «потребность самоосуждения, самообличения и даже самооплевывания ... составляет одну из черт русского характера. Самодовольство и самовосхваление для нас

нестерпимы ... Малым нас не удовлетворишь; шаг за шагом мы идти не умеем; подавай нам все сразу» [6, 2]. В русском человеке сочетаются крайности, в его «натуре есть задаток глубокого цинизма, составляющего как бы противовес чистому и высокому энтузиазму, тоже несомненно таящемуся в русских душах» [6, 52]. Отсюда вывод – «скептицизм, недоверие, отсутствие наивности, насмешливость, бездеятельная, но умная лень, – все эти черты русского характера находят здесь (в нигилизме. – Н. С.) себе исход» [6, 52].

Страхов, как и Тютчев (см. [12, 273]), понимал различие между западноевропейской и русской ментальностью и верил в возможность национального возрождения: «коренное наше зло состоит в том, что мы не умеем жить своим умом, что вся духовная работа, какая у нас совершается, лишена главного качества: прямой связи с нашей жизнью, с нашими духовными инстинктами. Влияние Европы постоянно отрывает нас от нашей почвы ... русский народ, однако же никогда не отдавался исключительно материальным и государственным интересам, а, напротив, постоянно жил и живет в некоторой духовной области, в которой видит свою истинную родину, свой высший интерес. ... Европейское просвещение, этот могущественный рационализм, это великое развитие отвлеченной мысли должно быть для нас побуждением и средством к такому сознательному уяснению наших собственных духовных инстинктов» [7, I-V]. Мысль о бесперспективности нигилизма в России Страхов обосновал чувством национального самосохранения, присущим народу: «не такой мы народ, чтобы поверить, что глубокие основы жизни могут быть сегодня открыты, завтра переделаны, послезавтра радикально изменены» [5, 108].

Подробная, несколько ироническая характеристика нигилистических взглядов дана философом в статье «Милль. Женский вопрос» (1870):

«Между Богом и природою нет разницы. Бог есть природа, олицетворенная человеческой фантазией.

Между духом и материей нет разницы. Дух есть некоторая деятельность материи.

Между организмами и мертвыми телами нет разницы. Организмы суть создания физических и химических сил.

Между животными и растениями нет разницы. Чувствительность и так называемое произвольное движение суть явления рефлексов, совершающихся механически.

Между человеком и животными нет различия. Душевные явления человека совершаются точно так же, как и у животных.

Между душою и телом нет различия. Душа есть некоторая деятельность тела.

Между мужчиною и женщиною нет различия. Женщина есть как бы безбородый мужчина меньшего роста, чем обыкновенно бывают мужчины.

Между нравственностью и стремлением к счастью нет различия. Нравственно то, что ведет к человеческому благополучию.

Между прекрасным и полезным нет различия. Прекрасно только то, что ведет к некоторой пользе.

Между искусством и наукою нет различия. Искусство есть только особая форма для популяризации истин науки» [7, 175-177].

Невозможно в этой связи не вспомнить стихотворение «Век» (1864) Я.П. Полонского, предвосхищающее в какой-то мере данную характеристику:

*Век девятнадцатый – мятежный, строгий век –
Идет и говорит: «Бедняжка человек!
О чем задумался? Бери перо, тиши:
В твореньях нет творца, в природе нет души.
Твоя вселенная – брожение сил живых,
Но бессознательных, - творящих, но слепых,
Нет цели в вечности; жизнь льется, как поток.
И, на ее волнах мелькнувший пузырьёк,
Ты лопнешь, падая в пространство без небес, -
Туда ж, куда упал и раб твой, и Зевес,
И червь, и твой кумир, фантазию твою
Я разбиваю в прах... покорствуй, я велю!»
Он тишет – век идет, он кончил – век проходит.
Сомненья вновь кипят, ум снова колобродит,
И снова слушает бедняжка-человек,
Что будет диктовать ему грядущий век [3, 159].*

Страхов, как и Яков Полонский, указал на те идеи нигилизма, которые радикально расходятся с религиозным пониманием мира и человека: «Новая мудрость, утверждающая, что для нее вещи друг от друга не различаются, тем самым утверждает, что она отрекается от познания, что она забыла, или потеряла и то первое ведение, которое по священным сказаниям получил первый человек и которое состояло тоже в умении различать, именно различать доброе от злого» [7, 178-179].

Но если Я. Полонский создал образ поникшего под грузом «новых идей» челока, смирившегося и покорного, то Страхов постоянно ставит человека перед выбором, сталкивая христианские идеи и идеалы и нигилистические. Нигилизм для него - «бессердечие, отсутствие истинного чувства добра, нравственная слепота. Это не живое, теплое стремление сердца, а напротив, отвлеченная жестокость, холодный, головной порыв» [8, 85]. Философ настаивает, что в ситуации выбора человек должен проявлять нравственную активность, а результатом деятельности его души должен стать путь нравственного совершенствования. На этом пути человек способен обрести гармонию и цельность духа: «каждый из нас, уже в силу своего христианского воспитания, должен бы был глубоко чувствовать свое нравственное несовершенство. Современное нравственное состояние людей должно бы нам являться темным и низменным в сравнении с тем высоким идеалом добра, чистого подвига, сияющей душевной красоты, который внушается нам, по-видимому, с детства. Вероятно, человечество глубоко

извратилось, если оно уже не видит этого идеала, уже смотрит на его проповедь как на пустые слова и фразы <...> требуется усердное служение некоторым положительным идеалам, ясные требования определенного строения человеческой жизни, и затем уже мы можем свободно сострадать людям» [8, 103-104].

В связи с этим Страхов подчеркивал непреходящее значение религиозного идеала для человека: «Вот мы отвергли религию ... Но ведь душу, раз приобщившуюся этому началу, уже повернуть назад нельзя; мы откинули религию, но религиозности мы откинуть не могли ... здоровье, свобода, материальное обеспечение – все это вздор перед тайными требованиями ... души, душе человеческой нужна иная пища, нужен идеал, которому можно было бы жертвовать всем, за который бы можно было умереть. Если нет у нас такой высшей цели, ... то нам, христианам по воспитанию, противеют заботы о личных благах и удобствах, нам становится стыдно нашего благополучия» [8, 94-95].

Как и Страхов, Тютчев видит современного человека в сложной ситуации выбора. Образ лирического героя его стихотворения «Наш век» (1851) созвучен образу человека, созданному в философских и литературно-критических трудах Страхова. Это человек, тоскующий по идеалу, оказавшийся в ситуации выбора между противоположными идеями, увлекшийся идеями отрицания и внутренне не удовлетворенный их содержанием.

Поэт точно "ставит диагноз" нравственной болезни современника: "Не плоть, а дух растлился в наши дни...", - и выявляет первопричину растления духа-безверие:

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры - но о ней не просит...
Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
"Впусти меня! - Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!.." [12, 71].*

В статьях Н.Н. Страхова объектом философских рассуждений являются современность и современники. То же самое мы наблюдаем в стихотворении: поэт типизирует явление (растление духа) за счет того, что объектным персонажем стихотворения является не конкретная личность, а человек вообще, "абстрактный" современник лирического героя. То, что речь идет о современнике, обозначено в заглавии стихотворения ("Наш век") и указанием: "в наши дни".

Интересно, что в трудах Страхова важным структурирующим приемом, организующим полемический текст, является прием

противопоставления. Композиционно-сюжетным основанием стихотворения Тютчева также становится принцип образно-смысловой антитезы: плоть - дух, вера - безверие, свет - тьма.

Содержание и поэтика стихотворения «Наш век» обусловлена ориентацией на христианскую этико-эстетическую традицию. "Наш век" не содержит точных библейских цитат, но его символика соответствует системе христианских символов. Как мы уже могли убедиться, философские размышления Страхова основаны и стимулированы его религиозным умонастроением и мирочувствованием.

Образ «тютчевского» современника – это образ человека, погруженного в мучительные переживания, сомнения, ощущение собственной раздвоенности. Его мучает «духовная жажда», «жажда веры». *«И сознает свою погибель он, // И жаждет веры - но о ней не просит... // Не скажет ввек, с молитвой и слезой, // Как ни скорбит перед замкнутой дверью...»*. Эти строки должны быть прочитаны в контексте христианской этико-эстетической традиции. В них выражено понимание трагедии современника не только как результата безверия, но и как особого душевного состояния: страстного, греховного, одержимого гордыней. Напомним, что страсть по отношению к душевной жизни - страдание духа, порабощаемого желанием. Развитие страстей приводит к деформации душевной сферы. Такое состояние - результат грехопадения человека, оторвавшегося от живого общения с Богом. Человек занят тварным бытием, он стремится овладеть кажущимся земным благом.

Грех тютчевского героя - в отчаянной тоске, ропоте, бунте, гордыне, но главное - в безверии. Преодолеть страстное расположение души можно через раскаяние и покаяние, осознание своей греховности, смирение. Но именно смирения нет в душе возгордившегося современника, полагает Тютчев. Подчеркнув эту мысль, поэт выделил графически (курсивом) - *"не просит"*; усилил отрицание, начав следующую строфу также с частицы "не": "Не скажет ввек...". Символом отсутствия смирения в душе современника становится в стихотворении указание на его неспособность к общению с Богом в молитве: *"Не скажет ввек, с молитвой и слезой..."*. Но, лишенный молитвы и слез, герой стихотворения оказывается перед "замкнутой дверью".

Но и в текстах Н.Н. Страхова подспудно присутствует образ «замкнутой двери». По его мнению, нигилисты «зачеркивают целые области человеческих идеалов» [9, 126]: «политическое честолюбие, служение общему благу, заняло в наше время то место, которое осталось пустым в человеческих душах, когда из них исчезли религиозные стремления ... Как прежде для человека считалось высшею задачей спасение его души, так теперь считается – обязанность чем-нибудь содействовать общему благу» [8, 96-97].

Тютчева и Страхова объединяет мысль о бесплодности и бесперспективности отрицания Бога, христианских ценностей. Путь отрицания – путь, ведущий в тупик. «Никаких семян мысли в нем

(нигилизме. – Н. С.) не было. Это был не умственный поворот, а бесплодное шатание мыслей, не умеющих и не стремящихся во что-нибудь сложиться. Это шатание быстро пошло по давно пробитым колеям революционаризма и анархизма, то есть пошло в отрицательную сторону, как самую легкую и всегда открытую, но оно не дало нам никакого положительного плода» [5, XIII], - пишет Страхов. Герой Тютчева «сознает свою гибель».

Конечно, приведенными примерами не исчерпываются совпадения и переклички между содержанием творчества Ф.И. Тютчева и Н.Н. Страбова. Но общность в понимании мира и человека очевидна. И обусловлена она тем, что и поэт, и философ в разное время и в различных идеологических ситуациях были последовательными приверженцами и выразителями русской христианской духовной традиции. В ситуации противостояния «своего» и «чужого» в культуре срабатывает «инстинкт» национального самосохранения: она с новой силой переживает «свое», родное, исконное. В отечественной культуре это - христианская духовная традиция, развивающаяся непрерывно и стабильно. В культурной жизни России ситуация раскола общественного сознания воздействием мощного влияния западноевропейских учений и идей не является уникальной. Умы современников Французской революции будоражат идея радикального преобразования общества. В 1860-е годы под влиянием идей позитивизма, материализма и нигилизма происходит резкая поляризация двух типов мировосприятия: позитивистско-материалистического и религиозно-идеалистического. И то, и другое русскими традиционалистами воспринималось как проявление «чужой» ментальности. Ими осознавалось, что русская ментальность обусловлена христианством, православием. Феномен таких культурных актов, как творчество Тютчева и Страбова (как и многих других русских культурных деятелей) заключается в выражении – в рамках светской культуры – христианской духовной традиции. Воплощением этого «выражения» стал, прежде всего, христианский образ человека, активная полемика с «новыми идеями» в публицистике, литературной критике и беллетристике.

Тютчев и Страхов развивали традиции светской христианской культуры, обеспечивали её преемственность и сохранность.

Список литературы

1. Лабанов, С. Философ-почвенник [Электронный ресурс] : к 175-летию со дня рождения Н.Н. Страбова / С. Лабанов // Православие.ru : интернет-журнал Сретенского монастыря / гл. ред. Архимандрит Тихон (Шевкунов). – Москва, 1999-2018. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/70.html>.
2. Никольский, Б.В. Николай Николаевич Страхов [Текст] : критико-биограф. очерк / Б.В. Никольский. – Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1896. – 56 с.
3. Полонский, Я.П. Сочинения [Текст] : в 2 т. / Я.П. Полонский. – Москва : Худож. лит., 1986. – Т. 1. Стихотворения и поэмы. – 492 с.
4. Старыгина, Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870-х годов [Текст] / Н.Н. Старыгина. – Москва : Яз. славян. культуры, 2003. – 352 с. – (Studia philologica).

5. Страхов, Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862-1885) [Текст] / Н.Н. Страхов. – 4-е изд. – Киев : И.П. Матченко, 1901. – Т. 1. – [4], XVI, 387 с.
6. Страхов, Н.Н. Бедность нашей литературы [Текст] : критический и исторический очерк / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. Н. Неклюдова, 1868. – 73 с.
7. Страхов, Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе [Текст] : исторические и критические очерки. Кн. 1 / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. С. Добродеева, 1882. – XII, 362 с.
8. Страхов, Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе [Текст] : исторические и критические очерки. Кн. 2 / Н.Н. Страхов. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. бр. Пантелеевых, 1890. – XXX, 567 с.
9. Страхов, Н.Н. Из истории литературного нигилизма 1861-1865 [Текст] / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. бр. Пантелеевых, 1890. – XII, 596 с.
10. Страхов, Н.Н. О методе естественных наук и значение их в общем образовании [Текст] / Н.Н. Страхов. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1865. – XII, 185 с.
11. Страхов, Н.Н. Значение естественных наук в общем образовании [Текст] / Н.Н. Страхов // Естествознание и география. – 1899. – № 9. – С. 10-38.
12. Тютчев, Ф.И. Россия и Революция [Текст] / Ф.И. Тютчев // Тютчев Ф.И. Русская звезда: стихи, статьи, письма. – Москва, 1993. – С. 272-284.

References

1. Labanov, S. Filosof-pochvennik [Elektronnyy resurs] : k 175-letiyu so dnya rozhdeniya N.N. Strakhova / S. Labanov // Pravoslavie.ru : internet-zhurnal Sretenskogo monastyrja / gl. red. Arkhimandrit Tikhon (SHevkunov). – Moskva, 1999-2018. – Rezhim dostupa: <http://www.pravoslavie.ru/70.html>.
2. Nikol'skiy, B.V. Nikolay Nikolaevich Strakhov [Tekst] : kritiko-biogr. ocherk / B.V. Nikol'skiy. – Sankt-Peterburg : Tip. A.S. Suvorina, 1896. – 56 s.
3. Polonskiy, YA.P. Sochineniya [Tekst] : v 2 t. / YA.P. Polonskiy. – Moskva : KHudozh. lit, 1986. – T. 1. Stikhotvoreniya i poemy. – 492 s.
4. Sarygina, N.N. Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860-1870-kh godov [Tekst] / N.N. Sarygina. – Moskva : YAz. slavyan. kul'tury, 2003. – 352 s. – (Studia philologica).
5. Strakhov, N.N. Kriticheskie stat'i ob I.S. Turgeneye i L.N. Tolstom (1862-1885) [Tekst] / N.N. Strakhov. – 4-е изд. – Киев : I.P. Matchenko, 1901. – Т. 1. – [4], XVI, 387 s.
6. Strakhov, N.N. Bednost' nashey literatury [Tekst] : kriticheskij i istoricheskij ocherk / N.N. Strakhov. – Sankt-Peterburg : Tip. N. Neklyudova, 1868. – 73 s.
7. Strakhov, N.N. Bor'ba s Zapadom v nashey literature [Tekst] : istoricheskie i kriticheskie ocherki. Kn. 1 / N.N. Strakhov. – Sankt-Peterburg : Tip. S. Dobrodeeva, 1882. – XII, 362 s.
8. Strakhov, N.N. Bor'ba s Zapadom v nashey literature [Tekst] : istoricheskie i kriticheskie ocherki ocherki. Kn. 2 / N.N. Strakhov. – 2-е изд. – Sankt-Peterburg : Tip. br. Panteleevykh, 1890. – XXX, 567 s.
9. Strakhov, N.N. Iz istorii literaturnogo nigilizma 1861-1865 [Tekst] / N.N. Strakhov. – Sankt-Peterburg : Tip. br. Panteleevykh, 1890. – XII, 596 s.
10. Strakhov, N.N. O metode estestvennykh nauk i znachenie ikh v obshchem obrazovanii [Tekst] / N.N. Strakhov. – Sankt-Peterburg : Tip. E. Pratsa, 1865. – XII, 185 s.
11. Strakhov, N.N. Znachenie estestvennykh nauk v obshchem obrazovanii [Tekst] / N.N. Strakhov // Estestvoznaniye i geografiya. – 1899. – № 9. – S. 10-38.
12. Tyutchev, F.I. Rossiya i Revolyutsiya [Tekst] / F.I. Tyutchev // Tyutchev F.I. Russkaya zvezda: stikhi, stat'i, pis'ma. – Moskva, 1993. – S. 272-284.